РЫБА... ЗАЛИВНАЯ

Но не в желе, а зажаренная на сковороде, потом залитая смесью взбитых яиц с молоком и вновь прогретая. Такое блюдо я пробовала однажды в детстве, и желания повторить эти вкусовые ощущения с возрастом так и не появилось. А дело было так.

Лето, жаркий день, что не помешало нам с братишкой Вадиком прогуляться по посёлку (станция Чернореченская), пока родителей дома не было, да и от бабушки с дедом ушли не спросясь. Идём, с любопытством разглядываем всё, что вокруг на глаза попадается: дома, палисадники с цветами и деревцами. А где-то собака на дворе залает, услышав наш разговор; а вот кошка на лавочке сидит, лапой мордашку умывает. Увидела нас женщина, знакомая семьи нашей, Ланой Ивановной её звали. Тоже шла по дороге, наверное, из магазина — авоська в руке. «Вы куда это направились, ребятишки?» — «Гуляем!» — ответила я. «А пошли-ка в гости ко мне, у нас малинка созрела, горохом угощу!» Она взяла брата за ручку и повела нас к своему дому. Малина, что была на кустах в огородчике, и правда показалась нам такой вкусной! А горох-то и у нас в огороде рос.

Из разговора взрослых я поняла, что ждут какого-то Усольцева с рыбалки. Вскоре он приехал. Это был высокий молодой человек в больших резиновых сапогах и длинном плаще. Он высыпал из мешка рыбу в ванну с водой, которая стояла возле крыльца. Мы с братишкой тоже подошли посмотреть. Некоторые рыбки шевелились, беззвучно открывая рты. «Караси,— сказал Усольцев

нам.— А это — щуки!» — показывая на больших рыбин, какие тоже лежали в воде. Картина была необычной, ведь столько рыбы сразу мы ещё не видели. Подошло время обеда, всех пригласили к столу, и нас с Вадиком позвали. Обедали тут же, во дворе, под навесом, где стоял деревянный дощатый стол и рядом — скамейки по обе его стороны. В большой, глубокой сковороде лежали жареные щуки, залитые омлетом из яиц. Хозяйка отделила нам кусочки рыбы, положив их на тарелки, и мы стали есть. Справиться с рыбой было не так-то и легко: то и дело попадались косточки. И вот в такой ответственный момент открылась калитка, и я услышала, вздрогнув от неожиданности, мамин сердитый голос: «Так вот вы где! Мы уже часа три по посёлку бегаем, вас разыскиваем!» Я почувствовала вдруг, что одна из острых косточек рыбных впивается мне в гортань, и, несмотря на все мои усилия её проглотить, эти попытки становятся безуспешными. Наш обед был прерван. Пошли домой, сопровождаемые маминими гневными речами, особенно в мой адрес как старшей сестры, хотя на то время я ещё и в школе не училась. Конечно, мне в наказание было суждено стоять в углу за дверью в кухню. Я, помнится, потихоньку плакала, сглатывая слюну, пытаясь украдкой изо рта пальцем достать косточку рыбью. Маме я о ней не сказала, с обидой думая о том, что вот умру ночью, потом все жалеть меня будут.

Через некоторое время наступил вечер, и нас спать положили. Я уснула, всхлипывая, мысленно со всеми прощаясь...

Наступило яркое утро. Первой мыслью моей было: «Где кость?» Но её во рту не оказалось — исчезла. Я не могла поверить в такое счастье. «Ура, я живая!» И обида на моих родных тоже уже прошла.

МАЛЬЧИШЕЧЬИ ЗАБАВЫ

Дым паровозов, запах гари, керосина, шпальной смолы, солидола, стук колёсных пар, гудки, лязг тормозов, шум поездов. Дорога. Железная дорога... Она была, пожалуй, главной в жизни станции Чернореченская в те, пятидесятые, годы, да, наверное, и сейчас является таковой, уже в наши дни столетия двадцать первого. А тогда: «Где твой папа работает?» — «В паровозоремонтных мастерских. А твой где?» — «В депо, машинистом!» — «А мама кем?» — «В станционном буфете, поварихой!»

Да, железная дорога давала работу многим, ведь сколько профессий ей были нужны: наладчики, кочегары, обходчики, ремонтники, стрелочники, маслёнщики, кондукторы, электрики. Но с

особенным уважением относились к тем, кто умел паровозами, а позже и тепловозами управлять, на дальние расстояния их вести,— к профессии машиниста. От умений его зависело всё на дороге. Если на перегоне останавливался состав из-за неисправности колосников в топке паровоза, то машинист и в топку лез заменить прогоревшие, подвергая жизнь свою опасности. Да мало ли!

Была своя романтика и для мальчишек — профессии эти. Смотрит вслед удаляющемуся от вокзала после гудка прощального поезду, а вагоны всё меньше и меньше кажутся в этой «змейке» железнодорожного состава, а потом и совсем исчезают на горизонте. И так хочется вскочить на подножку вагона и ехать далеко-далеко, долго-долго!.. А тут уже и следующий поезд на станцию прибыл — много их за сутки проходило через неё. Товарняки с открытыми платформами, грузами разными, опломбированными вагонами, нефтеналивными цистернами, зелёные пассажирские поезда. Наша станция узловая была, а это означало, что для паровозных бригад отдых устраивался, замена тех, кто порядочно по времени отработал в пути в течение суток.

Для них здание отдельное стояло, в простонародье «резерв» называлось. В нём столовая, места спальные в комнатах. Сразу возле дверей, как зайдёшь, место под гардероб-вешалку для промасленной одежды и обуви пришедших сюда железнодорожников. А ещё на крючках оставляли тут же, в гардеробной, сумки, что по типу офицерских были и через плечо на ремне свешивались. В них же сбоку были держатели-«газыри» вшиты, в которые вставлялись сигнальные факелы-свечи, а также петарды, какие тогда тоже применялись в случае экстренных ситуаций на железнодорожных путях при следовании поезда. И всегда можно было наблюдать, в любую погоду, зимой ли, летом, на площадке последнего вагона кондуктора, который подавал сигналы машинисту фонарём, а то и зажигая факелы, если требовалось срочное торможение поезда. Они горели очень ярко, издавая характерный треск и нещадно дымя.

И каким «жгучим» был интерес к ним местных мальчишек, также и у Вадика, братишки моего!..

Бывало, вечерком, стараясь незаметно проникнуть в здание «резерва», пригнувшись, чтобы не заметили их в зале столовой, откуда и голоса слышны были, Вадя с дружком Юркой Рамазановым, прокравшись в гардеробную, вытаскивали из сумок по факелу, стремглав летели с крыльца в снег и мчались подальше, чтобы никто не догнал. А то и петарды прихватывали и, находя укромное местечко, чтобы никто не видел, взрывали их, факелы жгли. Правда, делали они это нечасто, да и везло им

как-то, погони не было ни разу. Но однажды в зимний вечер, когда родителей дома не было — со школьного праздника ещё не пришли (учителя ведь), пацаны снова такую вылазку сделали, факелами обзавелись. Меня тоже на «фейверк» свой посмотреть позвали. На улице, как всегда в это время, безлюдно было, да и отошли подальше от домов, к кирпичным складам ближе.

Один факел сразу загорелся красивым пламенем, синеалым. А со вторым что-то не так было — потрещал, подымил и затух, несмотря на попытки его разжечь. Спохватились, что поздно уже, домой надо возвращаться. А как в ограду зашли (дом на несколько хозяев был), решили пацаны последнюю попытку сделать, слабо надеясь на успех,— разжечь ещё раз. А он возьми да и полыхни, с шумом, дымом, треском, при полном восторге нашем. Об осторожности-то забыли! А в это время и родители появились, во двор зашли. Что тут началось! «Где взяли? Кто дал? Вы что, пожар собрались устроить? Ну-ка марш домой! Ну всё, разберусь я с вами!» — с угрозой сказал папа. Юрка шмыгнул в свою квартиру, мы тоже зашли, обречённо опустив головы. Конечно, пришлось Ваде сознаться во всём. После этого события сигнальных факелов в своих руках он больше никогда не держал, хотя другие штучки, например, «поджиги», они с мальчишками всё-таки мастерили и потом тайно их испытывали...

«ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ!..»

О пионерском лагере на станции Критово Красноярского края

Лето. Сосновый бор на берегу сибирской реки Чулым. Среди вековых сосен — корпуса детского лагеря, во времена Союза, в конце пятидесятых годов, бывшего ещё пионерским.

Мы с братишкой, не будучи ещё и пионерами, отдыхали здесь в одном из июлей. В тёплые дни ребятню вели купаться на реку, на мелководье, где место для купания было в воде огорожено сеткой с флажками. Места всем хватало, купались отрядами по очереди. Это были лучшие минуты отдыха, как и нечастые прогулки в лес, где росла яркая душистая земляника на тонких стебельках, желанная своим неповторимым вкусом. Там же впервые увидела я цветы грушанки, так похожие на ландыш, но кремово-розовые по цвету, не белые.

Брат находился в другом отряде, младшем по возрасту детей, и однажды, по его рассказам, был очень напуган на одной из таких прогулок большой птицей, наверное, глухарём, неожиданно вылетевшей из зелёных зарослей высокого густого папоротника.

В лагере была большая спортивная площадка, где старшие играли в волейбол. Там же проводились и ежедневные сборы на пионерские линейки с торжественным поднятием флага по утрам и спуска его вечером. Корпуса лагеря были расположены среди сосен, и к ним вели узкие дорожки из уже утрамбованного от времени песка. И все дни на дорожки сыпались-падали сосновые шишки с могучих деревьев, особенно в ветреную погоду. За ночь шишек, бывало, столько нападает, что идти по тропинке неприятно — под ноги попадаются то и дело... Их убирали, конечно, подметали дорожки, но частенько можно было видеть, как ребята собирают шишки в тазики (оцинкованные, с ручками — были такие). Оказалось, это делалось как бы в наказание тех, кто якобы терял какие-либо свои вещицы: платок носовой, панамку, книжку, а то и вещь посерьёзнее, из одежды. Они каким-то путём оказывались в «Уголке Плюшкина» (был такой литературный персонаж-скопидом у Н. В. Гоголя).

В «Уголке» под найденными предметами на полочках белели бумажки с цифрой количества тазиков, какие нужно было наполнить сосновыми шишками и высыпать их за территорию лагеря. Как-то и я, к большому своему удивлению, обнаружила в этом «Уголке» для растеряшек свой джемпер, хотя точно знала, что его не теряла. Но пришлось всё-таки насобирать несколько тазов шишек, в чём мне помог братишка Вадик. Возможно, такие сборы были чьей-то хитрой задумкой, чтобы так очищать от шишек дорожки лагеря. Многие дети в этом участвовали, превращая и эту уборку в игру. Тяжёлыми те тазики не были — шишки сухие, но за каждой из них надо ведь наклоняться, что утомляло, конечно.

Но в «Уголке Плюшкина» вещицы появлялись вновь и вновь, а среди них и твои: лента в косичку, расчёска и другие.

Были и весёлые события в пионерской жизни лагеря: спортивные соревнования, выставки поделок детей, концерты художественной самодеятельности, которые не помнятся теперь... Но остался в памяти прощальный костёр, который традиционно устраивался по окончании сезона.

Вечером все собрались на большой поляне, где разгорелся яркий костёр. Высокий огонь освещал опушку ночного леса, стволы деревьев, выбрасывая вверх искры, привлекая к себе восхищённые взоры ребят, расположившихся вокруг. Вдохновенно пели пионерские песни: «Марш нахимовцев», «У дороги чибис», «Маленький барабанщик» и другие, так полюбившиеся здесь, в лагере.

«Взвейтесь кострами, синие ночи!» — далеко разносилось по реке...